

А. А. Мальцев

ИСТОЧНИКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СТАГНАЦИИ» ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

В статье предпринята попытка показать взаимосвязь между технологической стагнацией и кризисными моментами в развитии современной мировой экономики. Основное внимание сосредоточено на выявлении первопричин инновационной паузы. Анализ показал, что технологическая стагнация вызвана стечением целого ряда мирохозяйственных обстоятельств, в совокупности оказавших дестимулирующее воздействие на технологический прогресс. Главным из них стала интеграция в мировую экономику трудоизбыточных развивающихся рынков, спровоцировавших снижение капиталонасыщенности. В результате глобальный бизнес предпочел переориентировать инновационный процесс на создание «улучшающих» нововведений, не способных обеспечить рост доходов широких слоев населения и увеличение производительности труда. К важнейшим последствиям инновационной паузы отнесены деиндустриализация хозяйственных систем развитых стран и вызванная переходом к финансиализированной модели хозяйствования эрозия государства всеобщего благоденствия. Доказано прочное укоренение парадигмы «запланированного устаревания» и феномена «микроволновой ментальности» как следствие затягивания инновационной паузы. Библиогр. 115 назв.

Ключевые слова: государство всеобщего благоденствия, деиндустриализация, контролируемое устаревание, технологический тупик, финансиализация.

A. A. Maltsev

ORIGINS AND CONSEQUENCES OF “TECHNOLOGICAL STAGNATION” OF THE GLOBAL ECONOMY

The article shows the relationship between technological stagnation and crisis features in development of the modern world economy. Special attention is paid to finding the roots of innovation pause. The analysis has shown that technological stagnation was caused by conjunction of a number of global economic circumstances, together discouraged technological progress. The leading factor was the integration of emerging markets with huge labour surpluses into the world economy that triggered decline of capital abundance. As a result, global business refocused innovation process to incremental innovations unable to provide population incomes and productivity growth. Deindustrialization of developed countries and erosion of welfare states caused by transition to financial model of economic development are attributed as the most important effects of innovation pause. It was proved that the strong rooting of “planned obsolescence” paradigm and “microwave mentality” phenomenon are consequences of tightening innovation pause. Refs 115.

Keywords: welfare state, deindustrialization, planned obsolescence, technological deadlock, financialization.

1. Введение

Рубежной вехой в развитии мировой экономики начала XXI столетия стала Великая рецессия 2007–2009 гг., поставившая под сомнение перспективность вы-

Александр Андреевич МАЛЬЦЕВ — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; almalzev@mail.ru

Aleksandr A. MALTSEV — Candidate of Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Martha street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; almalzev@mail.ru

¹ Статья выполнена в рамках молодежного гранта Астанинского клуба Нобелевских лауреатов 2014 г.

лившейся в финансиализацию² постиндустриальной модели хозяйствования и освободившая экспертов из плена иллюзий, будто главенством в глобальной экономической иерархии страны ОЭСР обязаны исключительно развитию индустрии услуг и информационно-коммуникационной сферы. Идеалистические заявления о том, что «роль Америки заключается в снабжении глобального хозяйства знаниями и услугами, а не вещами» [Gertner, 2011], и призывы не беспокоиться об «упадке обрабатывающей промышленности ... потому что мы (США и другие развитые государства. — А. М.) стали экономикой идей» [Hassett, 2010], вытеснили совсем другие представления. «Американцы построили свою жизнь на продаже друг другу домов, которые они приобретают на деньги, взятые в долг у Китая, — мрачно иронизирует лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 г. П. Кругман, — промышленность, некогда главная сила США, находится в окончательном упадке» [Krugman, 2011]. Один из разработчиков теории информационной экономики, профессор Колумбийского университета Дж. Стиглиц, видит выход из сложившейся в экономике Соединенных Штатов кризисной ситуации в активизации капиталовложений в науку, подготовку технических кадров, модернизацию инфраструктуры, но отнюдь не в «финансовые инновации, которые оказались больше похожи на финансовое оружие массового уничтожения» [Stiglitz, 2012]. Большую озабоченность «финансовой гипертрофией» выражает другой Нобелевский лауреат, Р. Солоу: «Сохраняется подозрение, что процессы финансиализации зашли слишком далеко... финансовая активность поглощает такое количество ресурсов (особенно интеллектуальных) и создает такую потенциальную нестабильность, которые не компенсируются потенциальными выгодами от ее развития» [Solow].

² В современной литературе нет консенсуса относительно определения и содержания феномена «финансиализация». Так, профессор Массачусетского университета в Амхерсте Г. Эпштайн понимает под финансиализацией «увеличение роли финансовых мотивов, финансовых рынков, финансовых акторов и финансовых институтов в управлении национальной и мировой экономикой» [Erstein, 2005, p. 5]. Выдающийся американский общественный деятель К. Филлипс описывает финансиализацию как процесс, посредством которого «финансовые услуги... занимают доминирующую экономическую, культурную и политическую роль в национальной экономике» [Phillips, 2006, p. 268]. Многие исследователи, работающие в рамках гетеродоксальной традиции, сходятся во мнении о том, что ключевые последствия финансиализации заключаются в следующем. Во-первых, как пишет видный посткейнсианец Т. Пэлли, финансиализация «увеличивает значимость финансового сектора по сравнению с реальным сектором». Во-вторых, финансиализация приводит «к перемещению доходов из реального сектора в финансовый». В-третьих, финансиализация «увеличивает имущественное неравенство и способствует стагнации доходов» [Palley, 2007, p. 1]. В России англицизм «финансиализация» также прочно вошел в лексикон экономистов, зачастую представляющих собой диаметрально противоположные течения экономической мысли. Например, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов указывают на появление — под воздействием процессов финансиализации — нового типа личности — *homo finansus*, ориентированной на «финансовые трансакции как главный способ жизнедеятельности» [Бузгалин, Колганов, 2009, с. 126]. В свою очередь, В. А. Мау подчеркивает, что финансиализация есть «качественно новый глобальный экономический процесс», под влиянием которого происходит сближение денежного, товарного и валютного рынков, что, «с одной стороны, существенно затрудняет анализ и прогнозирование развития ситуации на этих рынках и во всей мировой экономике, а с другой — экономические агенты получают новые инструменты для своей работы, в том числе для хеджирования рисков» [Мау, 2012, с. 39]. Мы разделяем точку зрения на процессы финансиализации известного российского ученого Р. С. Дзарасова: «Финансиализация стала главной предпосылкой глобального переноса материального производства из развитых стран, особенно из США, в регионы с низкой оплатой труда» [Дзарасов, 2013, с. 61]. Именно под этим углом зрения данный феномен будет рассматриваться в данной статье.

Схожие идеи высказывают известные российские специалисты. Так, В. В. Лукашевич и С. Ф. Сутырин, анализируя последствия и причины финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., подчеркивают, что «современный кризис стал первым в Новейшей истории кризисом формирующейся глобальной экономики знания» [Лукашевич, Сутырин, 2009, с. 8]. В. Т. Рязанов указывает на «зыбкость и уязвимость к внешним шокам» постиндустриальной хозяйственной системы. «Развивая сервисный сектор, делая только на него ставку в стратегии развития, — резюмирует он, — невозможно обеспечить стабильное и независимое развитие страны» [Рязанов, 2013, с. 15]. По мнению Л. С. Бляхмана, индустриальная модель развития мирового хозяйства переродилась в рентно-долговой капитализм — корпоратократию — «союз правительств, банков и корпораций», который «приводит ко все большему несоответствию между системой управления и фундаментальными целями общества, к обогащению немногих и обнищанию большинства» [Бляхман, 2013, с. 7].

Одной из наиболее плодотворных попыток объяснения роста справедливых опасений экспертного сообщества в перспективах постиндустриализма нам представляется гипотеза немецкого исследователя Г. Менша о «технологическом тупике», связывающая происхождение крупных социально-экономических катаклизмов и вызванную ими модификацию общественных настроений с запаздыванием появления прорывных инноваций [Mensch, 1979]. Развивая эту идею, академик В. М. Полтерович выдвинул гипотезу о том, что выступавшие двигателем социально-экономического развития постиндустриального общества цифровые нововведения к середине 2000-х годов исчерпали потенциал своего роста, а зародышевая стадия формирования био- и нанотехнологий не позволяла им взять на себя функцию локомотива хозяйственного прогресса, что в конечном счете и стало одним из главных катализаторов раздувания разрушительных пузырей, надутых не находящим мест прибыльного приложения вне спекулятивных операций с недвижимостью и производными финансовыми инструментами капиталом [Полтерович, 2009]. В свою очередь, С. Ю. Глазьев доказывает обусловленность экономического кризиса 2007–2009 гг. процессами замещения технологических укладов [Глазьев, 2009].

Примечательно, что даже мейнстримные экономисты, ранее достаточно редко уделявшие внимание воздействию технологического фактора на функционирование глобального хозяйства, начали увязывать проблемы современной мировой экономики с инновационной стагнацией. Например, профессор Университета Джорджа Мэйсона Т. Козун с сожалением констатирует, что в настоящее время человечество вышло на технологическое плато и вряд ли в ближнесрочной перспективе стоит ожидать серьезного улучшения жизненного уровня людей. Более того, ученый рисует пессимистичные картины недалекого будущего, где развитие информационных технологий чревато углублением разделения общества на класс обладателей высоких компетенций (их доля, по оценкам ученого, составит 15% населения Земли, а уровень благосостояния будет соответствовать доходам сегодняшних миллионеров) и «оставшуюся часть, которая столкнется со стагнацией роста доходов и ужасными карьерными перспективами» из-за замещения их рабочих мест искусственным интеллектом (цит. по: [Flowers]).

Как видим, попытки установить взаимосвязь между технологическими сдвигами и кризисными моментами в современной мирохозяйственной практике получили широкое освещение в литературе. Вместе с тем такие вопросы, как источники те-

кущей инновационной паузы, выявление ее специфических характеристик, а также проблем, порождаемых технологической стагнацией, и роль развивающихся стран в наступлении «инновационного штиля», требуют дополнительного рассмотрения. Исследование этих явлений станет предметом нашего изучения в данной статье. Сначала мы установим отличительные черты «технологического тупика», в котором оказалась мировая экономика в 2000-е годы, и систематизируем причины, породившие этот феномен. Затем перейдем к анализу проблем, вызванных инновационной паузой, и выявим «ответственность» emerging markets в замедлении технического прогресса.

2. Причины и отличительные черты инновационной паузы 2000-х годов

Принципиальным отличием текущей «инновационной паузы»³, которая, как показывает экономическая история, всегда сопровождает процессы замещения технико-экономических укладов, стала ее продолжительность. Все больше экспертов указывают на перманентный дефицит новых технологических решений и научных открытий, с которым столкнулась глобальная экономика в последние десятилетия. Так, расчеты Дж. Хюбнера, сотрудника Пентагоновского центра военно-морской авиации в Чайна Лейк, показывают, что к середине 2000-х годов человечество уже создало 85% «экономически целесообразных» инноваций (к 2038 г. этот показатель достигнет 95%), а к 2024 г. ежегодное число создаваемых в мире научно-технических новинок упадет до уровня Средневековья [Huebner, 2005, p. 980, 983]. В свою очередь, профессор Северо-Западного университета в Чикаго Р. Гордон акцентирует внимание на малозначимости информационного сектора для повышения хозяйственной эффективности и достатка людей: «Изобретения, созданные после 2000 г., ориентированы на развлечения, миниатюризацию, ускорение работы и интеллектуализацию коммуникационных гаджетов, но это не привело к серьезным изменениям в производительности труда и уровне жизни по сравнению с электрическим освещением, автомобилем или водопроводом». Отсюда экономист делает неутешительный прогноз: «Будущий рост реального душевого ВВП будет медленнее, чем в любой из периодов начиная с конца XIX столетия» [Gordon, 2012, p. 2]. Еще более пессимистичной точки зрения в отношении дальнейшего развития стран Запада, ввиду замедления инновационного процесса, придерживается профессор Иешива-университета (г. Нью-Йорк) Я. Вайг, предрекающий державам — лидерам современности участь позднего Рима и цинского Китая, чьи элиты продолжению технологической гонки предпочли поддержание статус-кво и в конечном счете оказались неспособны «дать отпор натиску варваров» [Vijg, 2011, p. 210].

В чем же причины феномена технологической стагнации? В обобщенном виде можно выделить два основных подхода, объясняющих природу замедления научно-технического прогресса. Пожалуй, наиболее популярным объяснением инновационной стагнации начала XXI столетия является институциональная гипотеза, связывающая торможение генерации новых знаний и открытий с нежеланием общества, достигшего стадии зрелости, жертвовать комфортом во имя нарушающих привычный порядок вещей и не сулящих быстрой экономической отдачи технико-

³ Этот термин впервые ввел в оборот академик В. М. Полтерович [2009].

экономических нововведений. По мнению сторонников данной теории, единственным средством борьбы с «инновационной меланхолией», в которую погрузилась современная мировая экономика, теоретически может выступить «нарушение планетарной стабильности» под воздействием «деградации окружающей среды и крупного вооруженного конфликта», только и способных вынудить хозяйствующих субъектов активизировать развитие науки и технологий [Ibid., p.210–211]. Впрочем, даже сами последователи этой концепции признают, что риск наступления подобных событий, к счастью, минимален и поэтому едва ли способен оказать стимулирующее воздействие на процессы разработки остро необходимых глобальной экономике фундаментальных открытий [Vijg, 2011; Geim, 2013]. Другая группа исследователей связывает «научно-технологическую спячку» последних десятилетий с не зависящими от экзогенных факторов причинами, усматривая корень проблемы в первую очередь в достижении предела развития когнитивных способностей человека, чей ограниченный потенциал, собственно, и стал главным препятствием для запуска очередной инновационной волны. Выход из сложившейся ситуации приверженцы подобных представлений видят в замене человеческого разума, якобы не справляющегося с резко расширившимся набором задач, искусственным интеллектом [Kurzweil, 2005]. Однако в ряде последних работ ставится под сомнение декадентский рефрен «технологического уныния», пронизывающий современное обществоведение. Например, расчеты профессора Открытого университета Нидерландов В.Вестеры показали, что «устаревший» человеческий мозг, не претерпевший каких-либо изменений за последние 100 тыс. лет, с его пиковой вычислительной мощностью 10^{16} операций в секунду, по-прежнему мощнее современного компьютера, на 5 порядков превосходя аналогичный показатель одного из наиболее производительных процессоров Intel Core i7 Extreme Edition i980 EE (10^{11} калькуляций в секунду) [Westera, 2013, p. 32].

Предваряя изложение собственной позиции по данному вопросу, тем не менее признаем — инновационная пауза отнюдь не является плодом фантазии излишне рефлексирующих любителей научной фантастики. Так, используя систематизированный профессором Я.Вайгом список основных открытий человечества, можно обнаружить снижение числа фундаментальных новшеств, созданных в глобальной экономике, с 1,2 в год в 1972–1989 гг. до 1,0 — в 1989–2006 гг. [Vijg, 2011, p. 230–231]. Нельзя не обратить внимания и на сравнительно невысокую динамику совокупной факторной производительности, демонстрируемую лидером глобальной экономики — Соединенными Штатами, которые в 2000-е годы (1,5%) смогли превзойти результат 1990-х годов (1,0%), но так и не превысили показатель «золотой эры» 1950–1973 гг. (в среднем 2% за год) [Shackleton, 2013, p.5].

Двойне примечательно, что далеко не все ученые воспринимают инновационный «штиль» и низкие темпы производительности как явное предзнаменование скорого возвращения «темных веков». Скажем, профессор Стэнфордского университета П. Дэвид доказывает, что внедрение таких крупных новшеств, как генератор постоянного тока, всегда сопровождалось продолжительным «диффузионным лагом», поэтому не следует требовать от инноваций «моментального» макроэкономического эффекта [David, 1990]. П. Кругман просит читателей *The New York Times* не спешить с выводами об исчерпании потенциала цифровой революции и предрекает скорое начало хозяйственного подъема, разгоняемого началом второй фазы информацион-

но-коммуникационного переворота, базирующегося, в отличие от первой стадии, на беспроводных технологиях [Krugman, 2013]. Разделяя технооптимизм принстонского экономиста и жизнеутверждающий тезис одного из ведущих мировых экспертов в области истории развития технологий, профессора Северо-Западного университета Дж. Мокира: «Будущее должно принести нам больше технического прогресса, чем когда-либо ранее» [Мокир], сформулируем свое видение первопричин рассматриваемой «технопаузы». С нашей точки зрения, глобальная инновационная пауза 1990–2010-х годов детерминировалась взаимоналожением завершения холодной войны, вынуждавшей противоборствующие стороны щедро финансировать программы фундаментальных исследований, и мощной волны глобализации, стартовавшей за падением железного занавеса, которая, с одной стороны, активизировала процессы выноса отраслей материального производства на периферию мирового хозяйства, позволив государствам ОЭСР снизить объем потребления природных ресурсов, одновременно улучшая экологическую ситуацию в своих странах, но, с другой — пошатнула позиции индустриальной сферы как главного заказчика инноваций. В результате «информационное общество», мыслившееся теоретиками постиндустриализма оптимальной формой социально-экономического развития, максимально полно раскрывающей творческий потенциал личности, и зиждившееся на взаимодополнении промышленности и наукоинтенсивных видов услуг, переродилось в деиндустриализированную социально-экономическую систему с гипертрофированным сервисным сектором. Ее сущностные характеристики будут рассмотрены сквозь призму проявившихся важнейших проблем размывания индустриального каркаса и его замещения приобретшим угрожающие масштабы торгово-финансовым комплексом, упразднения модели социально-рыночного хозяйства и раскручивания производства создававшихся в рамках парадигмы «планируемого устаревания» товаров.

3. Проблемы, детерминированные технологической стагнацией

К первой по значимости проблеме глобального хозяйства отнесем финансиализацию экономик абсолютного большинства развитых стран (если в 1970 г. только в двух государствах ОЭСР — Мексике и Франции финансы создавали более 1/5 ВВП, то в 2008 г. в 28 из 34 участниц данной организации этот показатель превышал 20%, а в 15 державах — 25% валового внутреннего продукта) [Assa, 2012, p. 36], которая обернулась окончательным вытеснением «денежными менеджерами» промышленников в качестве ключевых персонажей экономической жизни. В конечном счете это вылилось в переориентацию инновационного процесса с создания новшеств, приносящих реальный народнохозяйственный результат, на конструирование широко спектра финансовых инструментов, которые, по меткому замечанию П. Кругмана, «никак не помогают обществу... но совершенствуют способы надувания пузырей, уклонения от законов и де-факто создают схемы Понци» [Krugman, 2009]. Так, если за 1970–2006 гг. в глобальном хозяйстве появилось лишь 46 прорывных открытий в «материальной» сфере [Vijg, 2011, p. 230–231], то число созданных только в 1970-е годы новых финансовых продуктов превысило 100 единиц [Flood, 1992, p. 3]. Более того, недавние эконометрические исследования подтвердили обоснованность сетований Нобелиата. Например, экономистам Банка международных расчетов С. Чек-

кетти и Э. Харруби удалось выявить отрицательное влияние «излишне разросшихся финансов» на экономический рост и тем самым опровергнуть устоявшееся представление: «Чем больше финансов, тем больше экономического роста». В частности, ученые установили, что в странах с динамично развивающимся финансовым сектором рост производительности труда в наукоемких отраслях обрабатывающей промышленности уступал на 2% аналогичному показателю «морально устаревших» производств в государствах с «низко растущими финансами», а в целом рост занятости в сфере финансов на 1,6% «съедал» 0,5% прироста ВВП на одного работающего. Кроме того, все большую озабоченность экспертного сообщества вызывает межсекторальная конкуренция за человеческий капитал, обостряющаяся в условиях, когда «люди, в другую эпоху мечтавшие найти способ лечения онкологии или полететь на Марс, сегодня мечтают стать менеджерами в хедж-фондах» [Cecchetti, Kharroubi]. Нельзя отрицать, что для подобных суждений есть необходимые основания. В частности, в конце 2000-х годов 20% выпускников математических факультетов британских университетов ежегодно пополняли ряды биржевых и банковских служащих [Higher Education..., 2012, p. 34], а 47% студентов Гарварда после получения диплома трудоустроивались в различных финансовых учреждениях [Wade, 2013, p. 49].

Несмотря на драматичность ситуации, мы не склонны вливаться в хор критиков, демонизирующих финансовую сферу и возлагающих на нее ответственность за все неурядицы, накопившиеся в мировой экономике за последние десятилетия [Stiglitz, 2010; Johnson, Kwak, 2010]. По нашему мнению, одной из решающих причин «сервисной гипертрофии» и других структурных перекосов, поразивших экономики развитых стран, стало сохранение веры в возможность пребывания на вершине мирохозяйственной пирамиды за счет производства, грубо говоря, одних информационных технологий и ноу-хау, в то время как другие отрасли материального производства, исходя из логики эпохи «компьютерного оптимизма» 1980–2000-х годов, подлежали трансферту за рубеж [Иноземцев, 2011]. Как следствие, нехватка инвестиционных ресурсов и интенсификация миграции промышленного потенциала за пределы материнских стран (скажем, за 2000–2009 гг. капитальные затраты американских ТНК обрабатывающего сектора за рубежом выросли на 9%, а внутри страны, напротив, снизились на 50%) [Atkinson et al., 2012, p. 53] обострили проблему безработицы и привели к снижению доходов значительной части населения. В одних только Соединенных Штатах за 2000–2009 гг. произошло сокращение 5,8 млн рабочих мест в индустрии [Lawrence, Edwards, 2013, p. 1], а рассчитанная в постоянных ценах средняя еженедельная заработная плата в 2010 г. (297,8 долл.) уступала «самой себе» образца 1972 г. (341,7 долл.) на 13% [Economic Report of the President, 2013, p. 380]. Эти факторы запустили процессы расстыковки глобального совокупного спроса и совокупного предложения, что наиболее рельефно проявилось в быстром росте числа простаивающих основных фондов: за 1997–2009 гг. в США недозагрузка производственных мощностей возросла с 15,8 до 31,4% [Ibid., p. 387]. В результате доходность инвестиций в реальном секторе держав «триады» за 1973–2006 гг. упала с 16,3 [Chan-Lee, Sutch] до 8–10% [Vaaquie, 2010, p. 7], тем самым стимулируя переток капитала на финансовые рынки, где норма прибыли накануне кризиса 2007–2009 гг. колебалась в диапазоне 15–25% [Sinn, 2010].

Вторая фундаментальная проблема современной модели мирового хозяйствования, выразившаяся в крушении общества всеобщего благоденствия и его

болезненном замещении «обществом участия», «где каждому придется в большей степени отвечать за собственное благосостояние» [Привалов, 2013, с. 10], также во многом стала следствием деградации индустриального базиса. Наиболее выпуклым ее проявлением является набирающая силу тенденция к размыванию несущей опоры экономической стабильности — среднего класса, чья доля в структуре населения даже такой образцовой в социально-экономическом смысле страны, как ФРГ, за 1997–2010 гг. снизилась с 65 до 58% [Decline of the Middle Class], и углублению имущественной пропасти (в странах ОЭСР за 1985–2010 гг. коэффициент Джини поднялся с 29,0 до 31,6%) [An Overview of Growing...]. Чаще всего обвинения в «великом расслоении» предъявляются политикам-неоконсерваторам, которые, по мнению П. Кругмана, «свернули государства благосостояния» в интересах «горстки супербогачей и ряда крупных компаний» [Кругман, 2009, с. 17]. Шведский исследователь Л. Дальстрём прямо возлагает вину за беспрецедентное перераспределение богатства на национальном, а также на мировом уровне на «срывением лоббируемый международным капиталом... вероломный дискурс свободного выбора» [Dahlström, 2013].

Однако простота данных объяснений не должна вводить в заблуждение. Эрозия институтов, поддерживавших относительное равенство доходов, стала лишь одним из звеньев комплекса процессов демонтажа велферизма (welfarism)⁴, вызванного, с нашей точки зрения, не столько безволием идущей на поводу у крупного бизнеса элиты, сколько потребностью адаптации хозяйственных систем развитых стран к новым реалиям «беспромышленной» эры, чье наступление обуславливалось переплетением двух объективных закономерностей: деиндустриализации экономики и старения населения. Так, углубление интернационализации экономической деятельности, изначально интерпретируемое как однозначно положительное явление, открывающее перед государствами ОЭСР «возможность направить выполнение рутинных инженерных задач в страны с излишками рабочих... а самим передислоцировать рабочую силу и капитал в отрасли, создающие более высокую добавленную стоимость, и передовые НИОКР» [The New Global Shift], привело к неожиданным результатам. Скажем, в США вместо запланированного на 1998–2008 гг. Бюро трудовой статистики создания 2,8 млн вакансий в high-tech индустрии произошло сокращение 68 тыс. рабочих мест в высокотехнологичных отраслях [Zaccoppe].

Надежды на то, что низко- и среднеквалифицированные трудящиеся, подгоняемые усиливаемой глобализацией конкуренцией с мигрантами, будут повышать свою компетенцию и пополнят ряды высокооплачиваемых специалистов, также не оправдались. Из 27,3 млн рабочих мест, созданных на территории Соединенных Штатов в 1990–2008 гг., 65% создавали сфера государственных услуг, здравоохранение, розничная торговля, строительство, гостиничный и ресторанный бизнес, где средняя

⁴ С философской точки зрения велферизм — концепция, согласно которой «благополучие необходимо всем людям, независимо от их достоинств» [«Хорошее общество»..., 2003, с. 66]. При этом велферисты утверждают, что «весь смысл морали должен заключаться в улучшении жизни людей» [Keller, 2009, p. 83]. Экономисты традиционно интерпретируют велферизм как хозяйственную политику, все аспекты которой нацелены на увеличение благополучия человека [Vojer, 2003, p. 20–21]. Мы согласны с позицией авторитетного российского экономиста А. Г. Худокормова, полагающего, что социальное государство является необходимым компонентом развития общества, отстраивающегося вокруг знания: «Человек-труженик должен быть социально защищен... он должен быть уверен в завтрашнем дне — и для себя, и для своих близких, ибо творческая энергия живет и действует лишь там, где создан некий достаточный уровень душевного комфорта» [Худокормов, 2010, с. 78].

добавленная стоимость на одного занятого в 2008 г. (80 тыс. долл.) в 1,5 раза отставала от показателя (120 тыс. долл.) торгуемой части американской экономики (прежде всего, промышленности и сельского хозяйства) [Spence, Hlatshwayo, 2011, p. 4, 13, 25]. Параллельно в занятых строительством постиндустриальных экономик Северной Америке и ЕС произошло старение населения, что стало непростым испытанием для социально ориентированных моделей хозяйствования, укоренившихся в данных регионах с середины XX столетия. Например, удельный вес трудоспособных лиц в общей численности жителей стран ОЭСР упал с 62,1% в 1970 г. до 50,0% в 2010 г. [OECD Members — Age Dependency Ratio], потребовав увеличения только затрат на пенсионные выплаты с 5 до 9% ВВП [Clements et al., 2012, p. 1, 2], а дальнейшее увеличение количества пожилого населения в общезрастной структуре государств «золотого миллиарда» на 1%, по расчетам профессора Гарвардского университета Дж. Грубера и профессора Массачусетского технологического института Д. Уайза, обернется ростом расходов на социальное обеспечение пожилых лиц на 0,26% ВВП [Gruber, Wise, 2002, p. 54].

Попытки прямолинейного решения проблемы финансирования социальных обязательств за счет повышения налоговой нагрузки (за 1970–2010 гг. фискальное бремя в странах ОЭСР в среднем возросло с 27,5 до 33,8% ВВП [The Organization for Economic Co-operation...]) только упрочили стремление бизнеса выйти за пределы государств базирования. Скажем, в США при увеличении корпоративных доходов за 2006–2011 гг. на 219 млрд долл. лишь 16,7% прироста формировалось на их территории [Bank, 2013, p. 1308], в результате чего доля налога на прибыль за одно пятилетие снизилась с 2,6 до 1,2% ВВП [Receipts by Source...], а в Великобритании 30% крупнейших национальных компаний в 2006 г. вообще не платили корпоративные налоги [Palan et al., 2010, p. 65]. В свою очередь, упования на мигрантов как на социальную группу, способную заместить на рынке труда поколение выходящих на заслуженный отдых бэби-бумеров и готовую взять на себя груз ответственности за поддержание системы всеобщего благосостояния в работоспособном режиме, лишь подтвердили провидческие слова М. Фридмана: «Вы не можете одновременно иметь свободную иммиграцию и социальное государство» (цит. по: [Griswold, 2012, p. 159]). Оказалось, что увеличение за 1988–2011 гг. удельного веса жителей стран ОЭСР, родившихся за границей, с 6,7% [OECD Employment Outlook, 2001, p. 170] до 12,5% всего населения [Cohen, 2013] усилило давление на и без того напряженные бюджеты государств благоденствия. Так, в 2004 г. средняя семья низкоквалифицированных американских иммигрантов (при их общей численности порядка 15,9 млн человек), уплачивая 10,6 тыс. долл. налогов в год, получала от всех уровней власти США различных видов помощи на 30,2 тыс. долл. [Rector, 2007], а ежегодный ущерб, наносимый незаконной миграцией, к концу 2000-х годов достиг отметки в 113 млрд долл. [Martin, Ruark, 2010, p. 1] и не компенсировался «прибавкой» к ВВП в 37 млрд долл., создаваемой легальными приезжими.

Вместе с тем высокий уровень зависимости от иностранных специалистов (40% работающих в Соединенных Штатах исследователей со степенью Ph.D. родились за границей [Immigrations Economic Impact], а 33% британских ученых являются иммигрантами) [Van Noorden], которые, как показали недавние исследования [International Mobility...], при выборе принимающей страны ориентируются не только на размер оплаты труда, но и на качество жизни, вкуче с необходимостью

поддержания на стабильно высоком уровне социального обеспечения стареющего местного населения вынудил постиндустриальный мир резко увеличить объем государственного долга, разросшегося за 1960–2012 гг. с 50 [Abbas et al., 2010, p. 11] до 110% ВВП государств ОЭСР [Public Debt...]. Однако, судя по всему, сложности с финансированием welfare state только начинаются. Скажем, специалисты журнала *The Economist* предупреждают, что дальнейшее превращение «рабочих пчел в пенсионных трутней» при продолжающемся наплыве низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, претендующей на все большую часть «социального пирога», чревато раздуванием к 2050 г. национального долгового бремени «до уровня 100% валового национального дохода в Америке, 150% в целом по ЕС и более 250% в Германии и Франции» (цит. по: [Razin et al., 2011, p. 3]) со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для системы велферизма. Помимо того, в двадцатилетней перспективе от развитых стран для поддержания «обществ социальной справедливости» в районе 1/5 ВВП потребуется целый ряд непопулярных шагов: повышение пенсионного возраста минимум на два года, сокращение пенсий на 12% и др. [Clements et al., 2012, p. 27]. Наверное, наиболее правдиво будущее «социальных государств» в 2013 г. описал король Нидерландов Виллем-Александр: «Классическое социальное государство второй половины XX столетия неспособно поддерживать эти сферы (социального обеспечения и долгосрочного ухода. — А. М.) в их нынешнем объеме... поэтому люди должны сами организовывать свою жизнь и заботиться друг о друге» без помощи правительства [Dutch King...].

Третьей (по ходу нашего изложения, а не значимости) *проблемой современной мирохозяйственной практики* выступает прочное укоренение концепции «запланированного устаревания» (planned obsolescence), вынуждающее потребителей, вопреки их реальным потребностям, регулярно обновлять сделанные ранее приобретения из-за заложенного в товарах производителем «запрограммированного» выхода из строя спустя определенный промежуток времени, и сдерживающее возрождение индустриального базиса на основе новых прорывных открытий. Данная технико-экономическая парадигма, появившаяся в 1920–1930-е годы для нейтрализации неотъемлемого спутника системы массового производства — заговаривания рынков, расколола научное сообщество на два лагеря: 1) усматривающих в «контролируемом старении» способ активизации замены устаревших технологий новыми и 2) их антагонистов, убежденных в том, что подобная стратегия приводит к распылению ресурсов на множественные косметические усовершенствования вместо их концентрации на создании фундаментальных новшеств. По-своему права каждая из сторон.

Сторонники «одноразовых вещей» доказывают, что «если продукты будут слишком надежными, потенциальные инноваторы будут иметь недостаточное количество стимулов к инвестированию в развитие новых технологий и поэтому экономика может попасть в стагнацию» [Boradkar, 2010, p. 201], подкрепляя свою позицию аргументами из практики современного международного бизнеса, выбравшего в последние десятилетия именно этот путь развития, основанный на так называемых «улучшающих инновациях» (incremental innovations), внушающих покупателю «желание купить что-то чуть более новое, чуть лучшее и чуть раньше, чем необходимо» [Bartels et al, 2012, p. 11]. Так, за 1990–2012 гг. удельный вес выручки от продажи изделий, базирующихся на «прорывных технологиях» (breakthrough technologies), в общем товарообороте упал с 32 до 28% [Drucker...], а из 261 появившейся в 2000–

2004 г. на рынке потребительских товаров США новой товарной позиции лишь три продукта относились к категории «действительно создающих новую потребительскую ценность» [Roth, Sneader, 2006, p. 2].

Нередко приверженцы доктрины «планового старения» парируют обвинения в намеренном сокращении эксплуатационного срока изделий заботой об окружающей среде, реализуемой путем стимулирования потребителей к покупке более «дружелюбных к природе» товаров следующего поколения. С формальной позиции бессмысленно отрицать положительное влияние на экологию, оказываемое введением стандартов, регулирующих, скажем, содержание вредных веществ в выхлопных газах автомобилей, даже если платой за это стали усложнение конструкции автотранспортных средств и сокращение ресурса их отдельных узлов и агрегатов. Также трудно не согласиться с утверждением, что качество жизни во многом зависит не от частоты появления «радикальных открытий», а от «многочисленных улучшений, крупномасштабной коммерциализации и расширения использования радикальных инноваций». В доказательство данного тезиса чаще всего приводится пример современной фармацевтической промышленности, где доля лекарств, создаваемых в результате модернизации уже существующих препаратов, возросла с 47% в 1977 г. до 63% в 2005 г. Именно это, с точки зрения многих специалистов, обеспечило «снижение побочных эффектов, сделало лекарства более удобными для применения... и обеспечило пациентам более комфортную жизнь и более быстрый выход на работу» [Pentkantchin].

По нашему мнению, аргументация противников отстраиваемой вокруг «улучшающих нововведений» парадигмы «контролируемого старения» выглядит более сильной. Критический анализ достижений эпохи «одноразовой жизни» развенчивает утопические мечты о том, что «планируемое устаревание станет проводником технологического прогресса» [Cooper, 2013, p. 141]. Едва ли можно отнести к прогрессивным трендам замедление темпов роста продолжительности жизни людей, совпавшим со сдвигом вектора развития глобальной фармацевтической отрасли в сторону «небольших улучшений» старых продуктов: если изобретение антибиотиков пенициллинового ряда обеспечило в 1944–1972 гг. продление средней человеческой жизни на 8 лет [Kardar], то в 1990–2000-е годы создание нескольких сотен лекарственных модификаций⁵ — лишь на 5–6 месяцев [Lichtenberg, 2012, p. 20]. В одной из наиболее high-tech ориентированных отраслей глобального хозяйства — автомобилестроении — в этом плане ситуация немногим лучше, что особенно ярко иллюстрирует сравнение бензоэлектрической *Toyota Prius*, которая, по идее «зеленых», должна вывести человечество в экологически чистое будущее и формально является средоточием всех достижений в сфере транспортного машиностроения последних десятилетий, с традиционным раздражителем «экологически сознательных» граждан — громоздким и технически архаичным Hummer H1. Срок службы яркого представителя японской школы «планового устаревания» составляет около 100 тыс. миль, что в 3 раза меньше ресурса американского внедорожника, а за время производства, эксплуатации и последующей утилизации гибрид потребует на 50% больше энергозатрат по сравнению с монструозным джипом, главным образом из-

⁵ См. подробнее: [Changing Patterns..., 2002, p. 3].

за сложности изготовления и переработки аккумуляторных батарей [Prius Outdoes Hummer...].

Причины торжества «одноразового способа производства» видятся нам не столько во внезапной потере бизнесом желания «делать качественно» и тем более не из-за каких-то мифических планов производителей навязать покупателям «некачественный товар, а иногда и товар, прямо угрожающий здоровью человека» [Шарапов, Улыбышева, 2013, с. 75], сколько в переходе глобальной экономики в «беспромышленный» цикл развития, в котором рост обеспечивается не «увеличением доходов населения, привязанных к росту производительности труда», а наращиванием долгов и разогревом инфляции активов, провоцирующих раскручивание спроса [Palley, 2012, p. 4]. В таком контексте вполне очевидным выглядит желание современного бизнеса неукоснительно следовать букве закона, сформулированного в 1932 г. основателем концепции «одноразовой жизни» манхэттенским риелтором Б. Лондоном, согласно которому требуется всеми возможными способами вытравить из потребителей желание «использовать их старые машины, старые покрышки, старые радиоприемники и старую одежду» [London, 1932].

4. «Великое удвоение» и инновационная пауза

При этом косвенным «виновником» ускорения становления новой модели хозяйствования и ее сердцевины — парадигмы «контролируемого старения» как генератора увеличения потребления — стала трансформация Китая из страны, которую еще в 1999 г. западный истеблишмент не ставил в мировой иерархии выше Бразилии [Segal], в ведущую индустриальную державу глобальной экономики. «Китайский фактор» в этом плане, действительно, многогранен. Выделим главное.

Во-первых, дешевизна товаров из Поднебесной (средневзвешенный индекс цен на импортируемые из КНР товары за 1990–2005 гг. снизился с 60 до 53% среднемирового уровня) [Alvarez, Claro], превратившейся в крупнейшего экспортера готовой продукции, позволила, с одной стороны, смягчить последствия стагнации реальных доходов населения развитых стран, с другой — существенно облегчить денежным властям государств «золотого миллиарда» задачу борьбы с инфляцией. Так, анализ, проведенный учеными Чикагского университета К. Бродой и Дж. Ромалисом, показал, что в 1999–2003 гг. наращивание Соединенными Штатами импорта из Китая снизило внутреннюю стоимость изделий краткосрочного пользования на 2,8% и обеспечило снижение инфляции для 10% наиболее бедных американцев на 6% [Kenny]. В таких условиях центральные банки государств ОЭСР пошли на резкое снижение процентных ставок с 8% в 1994 г. до 4,6% в 2006 г. [OECD Factbook, 2009, p. 102], что, естественно, подстегнуло кредитный ажиотаж, масштабы которого приняли угрожающие размеры. Достаточно отметить, что долг домохозяйств наиболее развитых государств мира за 1995–2005 гг. увеличился почти на 1/2 — с 55 до 80% ВВП ОЭСР [Girouard et al., 2007, p. 7; Ahearne, Wolff, 2012, p. 10]. Между тем вычисления специалистов Банка международных расчетов С. Чеккетти, М. Моханти и Ф. Замполли показали, что в 1980–2006 гг. увеличение потребительской задолженности в странах ОЭСР на 1% ВВП «тормозило» рост душевного валового внутреннего продукта на 0,025% [Cecchetti et al., 2011, p. 10].

Во-вторых, интеграция Поднебесной и других трудонасыщенных emerging markets в мировое хозяйство подтвердила злободневность гипотезы оксфордского экономического историка Дж. Хабакука, называвшего дешевизну и большое количество рабочей силы одним из главных препятствий для роста капиталовооруженности и тем самым ускорения технологического прогресса [Habakkuk, 1962]. За 1990-е годы международный рынок труда пополнили 1,46 млрд трудящихся из развивающихся стран, в результате чего к 2000 г. в мире произошло двукратное увеличение предложения трудовых ресурсов. По оценке профессора Гарвардского университета Р. Фримена, «великое удвоение» мирового хозяйства — «вхождение Китая, Индии и бывшего советского блока в глобальную экономику» — привело к снижению отношения основного капитала к труду на 61% [Freeman], означая, что «в последние десятилетия мир идет по пути, обратному техническому прогрессу» [Дзарасов, 2014]. В таком контексте становится понятным, почему экономические агенты, «развращенные» в 1990–2000-е годы резким расширением запаса дешевой рабочей силы, не спешили с внедрением дорогостоящих прорывных открытий, предпочитая поддерживать свои рыночные позиции переносом производственных активов в регионы с более низкой заработной платой и незначительной модификацией уже существующих продуктов. Ситуация зашла так далеко, что, по прогнозам экспертов, глобальная «технологическая стагнация», даже в случае сохранения КНР нормы сбережения на отметке 40% ВВП, будет длиться не менее 30 лет — до возвращения капиталонасыщенности мировой экономики к уровню начала китайской экспансии на международные рынки [Freeman]. Пока же человечеству предстоит свыкнуться с низкими темпами развития НТП, поддерживаемыми преимущественно приемами «контролируемого старения». В свою очередь, население стран ОЭСР должно готовиться к продолжению снижения доли оплаты труда в национальном доходе из-за сохраняющегося разрыва в уровнях оплаты труда между центром и периферией глобальной экономики, выталкивающего промышленность развитых стран в зарубежные «палестины» [Elsby et al., 2013, p. 27, 28].

В-третьих, в целях поддержания выгодного «своим» экспортерам заниженного курса юаня Китай усилил покупку иностранной валюты, в результате чего объем китайских международных резервов за 2001–2008 гг. возрос в 9 раз — с 0,2 до 1,9 трлн долл. [China's Foreign Exchange Reserves, 1977–2011]. Для сохранности своих сбережений, на 2/3 номинированных в американских долларах [Orlik, Davis...], Поднебесная начала скупать наиболее надежные финансовые инструменты — казначейские обязательства и гарантированные правительством Соединенных Штатов ипотечные бумаги. К началу Великой рецессии КНР конвертировала 448 млрд долл. в облигации *Freddie Mac* и *Fannie Mae* и около 1 трлн долл. — в американские «казначейки» (34% их объема на руках нерезидентов), а в целом Китай стал контролировать 12% всего внешнего долга США [Nolan, 2012, p. 30]. Более того, если принять в расчет резкое разрастание объемов суверенных фондов капитала стран-экспортеров углеводородов, во многом спровоцированное стремительным ростом потребления сырья Китаем, то становится понятной логика рассуждения экспертов о том, что именно Поднебесная, обрушившая на мировые финансовые рынки огромное количество ликвидности, спровоцировала снижение кредитных ставок до рекордно низких отметок и тем самым запустила механизм разогрева пузыря на рынке недвижимо-

сти, ставшего спусковым крючком мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. [Mees, 2012].

Характеристика активно развивающегося в последние десятилетия «синдрома одноразовой жизни» будет неполной без констатации свершившегося: за проникновением в сферу общественного производства последовало завоевание человеческого сознания, что превратилось, с нашей точки зрения, в мощный социокультурный барьер для хозяйственного прогресса на базе новых технологий широкого применения. Самое главное препятствие видится нам в формировании под воздействием появления широкого спектра «улучшающих» новшеств и разгоняемого методами «контролируемого старения» ощущения ускорения темпа жизни, в результате чего люди начинают думать, что «все в этой жизни должно быть доступно немедленно» [Microwave society]. Этот феномен, получивший название «микроволновая ментальность» [Cole, 2000, p. 164], стал одним из драйверов резкого сокращения горизонтов бизнес-планирования и переориентации вектора социально-экономического развития с реализации долгосрочных планов на решение краткосрочных задач. Помимо прочего, подобный сдвиг мировоззренческих приоритетов активизировал процессы так называемого «дисконтирования будущего», когда, как пишет аналитик Министерства внутренних дел США И. Голкани, «и индивиды, и общества предпочитают получать выгоды как можно раньше» [Golkany, 2009, p. 36]. В этих условиях экономические агенты «становятся самодовольными, праздными» [Мокур, 2013]. Очевидно, что такого рода ценностные установки несовместимы с задачами активизации инновационного процесса, представляющегося многим ученым способом разрешения накопившихся проблем мировой экономики и реализуемого с помощью, к счастью, не истребленного диаметрально противоположного набора качеств, включающего «изобретательность, инициативность, энтузиазм, смелость и дерзость» [Окпара, 2007]. Отметим также, что присущий современному бизнесу высокий «уровень нетерпения» и потребность в быстром росте доходов оказывают дестимулирующее воздействие на внедрение не приносящих сиюминутной финансовой отдачи технико-экономических новшеств, чья материализация зависит от стабильности капиталовложений. Наиболее наглядной иллюстрацией этой закономерности является опыт Соединенных Штатов, где на протяжении 1990–1999 гг. инвестиции в новое оборудование и программное обеспечение, выступавшие основным средством, с помощью которого инновации — ключевой драйвер экономического роста — распространялись по экономике, росли на 5,2% в год, тогда как в 2000–2011 гг. — в десять раз медленнее (0,5%) [Stewart, Atkinson, 2013, p. 1]. По «странному» стечению обстоятельств приступ «инвестиционной близорукости» (investment short-termism) совпал со снижением темпов производительности труда с 2,7% в 1995–2000 гг. [Gordon, 2010] до 1,9% в 2000–2011 гг. [Mishel, Gee, 2012, p. 38], а также с резким сокращением финансирования участия страны в создании Международного экспериментального термоядерного реактора (2008 г.) [US Suspends Financing for 2008 — But Will Not Quit ITER], отказом от лунной программы NASA (2010 г.) [Chang, 2010], открывающей, среди прочего, возможность добычи на спутнике Земли термоядерного топлива будущего — гелия-3, сворачиванием запусков космических челноков (2011 г.) [Broad, 2011] др.

5. Выводы

1. Деиндустриализация ведущих стран мира выпустила на свободу «джина» финансиализации, вынужденного в одиночку выполнять не свойственную ему функцию поддержания хозяйственной конъюнктуры. Побочным эффектом подобных структурных сдвигов стало превращение государств «золотого миллиарда» в заложников финансовых инженеров и конструкторов банковско-биржевых продуктов, которые, как оказалось, не способны обеспечить социально-экономический рост без создания схем, подрывающих устойчивость всей народнохозяйственной системы.

2. Корни продолжительной инновационной стагнации, поразившей глобальную экономику в 1990–2000-е годы, следует искать не в интеллектуальном бессилии человечества, якобы исчерпавшего все свои креативные способности из-за достижения предела возможностей мозга, а в стечении целого ряда мирохозяйственных обстоятельств, в совокупности оказавших дестимулирующее воздействие на технологический прогресс. Главным из них стало вхождение в процессы глобализации трудоизбыточных развивающихся рынков, спровоцировавших снижение капиталонасыщенности, в результате чего «испорченный» резким расширением предложения дешевой рабочей силы бизнес не торопился создавать затратные прорывные открытия, предпочитая вместо этого заниматься «оффшоризацией» индустриального производства и довольствоваться «улучшающими» нововведениями, реализуемыми в рамках парадигмы «контролируемого старения».

3. Синдром «одноразовой жизни» не только завоевал сферу производства, но и прочно закрепился в сознании экономических агентов, превратившись в труднопреодолимую социально-культурную преграду для внедрения новых технологий широкого применения. Торжество «микроволновой» ментальности, постулирующей необходимость получения моментальной отдачи от самых незначительных усилий, стало причиной экономико-исторической амнезии капитализма начала XXI столетия. Казалось бы, забыты давно выученные уроки промышленной революции XVIII столетия, осуществление которой стало возможным не в последнюю очередь благодаря «защите исследователей (и инноваторов. — А. М.) от краткосрочных интересов» [Cohen, 2009, p. 89].

Литература

- Бляхман Л. С. Глобальный кризис и смена парадигмы хозяйственного развития // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2013. Вып. 2. С. 3–22.
- Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 119–132.
- Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26–38.
- Дзарасов Р. С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. 2013. № 2. С. 58–66.
- Дзарасов Р. С. Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформы РАН // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 4. С. 291–304.
- Иноземцев В. Л. Воссоздание индустриального мира : контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 6. С. 85–98.
- Кругман П. Кредо либерала. М.: Издательство «Европа», 2009. 368 с.
- Лукашевич В. В., Сутырин С. Ф. Глобальный финансово-экономический кризис: причины и последствия // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2009. Вып. 3. С. 3–11.
- Мау В. Россия в поисках новой модели роста // Вестник Европы. 2012. № XXXIII. С. 34–48.

- Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 4–23.
- Привалов А. О моде на спецоперации // Эксперт. 2013. № 38. С. 10.
- Рязанов В. Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2013. Вып. 4. С. 3–35.
- «Хорошее общество»: социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М.: Институт философии РАН, 2003. 182 с.
- Худокормов А. Г. Экономическая теория: новейшие течения Запада. М.: ИНФР-М, 2010. 416 с.
- Шарапов С., Улыбышева М. Одноразовая жизнь // Эксперт. 2013. № 36. С. 74–76.
- 2008 Report to the Congress of the U. S. — China Economic and Security Review Commission. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 2008. 382 p.
- Abbas S. A. et al. A Historical Public Debt Database // IMF Working Paper. 2010. N 10/245. 26 p.
- Ahearne A., Wolff G. B. The Debt Challenge in Europe // Bruegel Working Paper. 2012. N 2. 25 p.
- Alvarez R., Claro S. The China Phenomenon: Price, Quality or Variety? [Electronic resource]. URL: www.bcentral.cl/conferencias-seminarios/seminarios/pdf/TheChinaPhenomenon.pdf (accessed: 07.05.2014).
- An Overview of Growing Income Inequalities in OECD Countries : Main Figures [Electronic resource]. URL: <http://www.oecd.org/els/soc/49499779.pdf> (accessed: 07.05.2014).
- Assa J. Financialization and Its Consequences: the OECD Experience // Finance Research. 2012. Vol. 1, N 1. P. 35–39.
- Atkinson R. D., Stewart L. A., Andes S. M., Ezell S. J. Worse than the Great Depression: What Experts Are Missing about American Manufacturing Decline. ITIF, 2012. March. 77 p.
- Baaquie B. E. Interest Rates and Coupon Bonds in Quantum Finance. Cambridge University Press, 2010. 508 p.
- Bank S. A. The Globalization of Corporate Tax Reform // Symposium: Tax Advice for the Second Obama Administration. 2013. Vol. 40, Is. 5. P. 1307–1328.
- Bartels B. et al. Strategies to the Prediction, Mitigation, and Management of Controlled Obsolescence. Hoboken: John Wiley & Sons, 2012. 288 p.
- Bojer H. Distributional Justice: Theory and Measurement. London; New York: Routledge, 2003. 168 p.
- Boradkar P. Designing Things : A Critical Introduction to the Culture of Objects. Oxford: Berg, 2010. 320 p.
- Broad W. J. With the Shuttle Program Ending, Fears of Decline at NASA // The New York Times. 2011. July 3.
- Cecchetti S. G., Kharroubi E. Reassessing the Impact of Finance on Growth [Electronic resource]. URL: <http://sirc.rbi.org.in/downloads/4Cecchetti.pdf> (accessed: 07.05.2014).
- Cecchetti S. G., Mohanty M. S., Zampolli F. The Real Effects of Debt // BIS Working Paper. 2011. N 352. 33 p.
- Chang K. Obama Calls for End to NASA's Moon Program // The New York Times. 2010. February 1.
- Changing Patterns of Pharmaceutical Innovation. NIHCM Foundation, 2002. May.
- Chan-Lee J. H., Sutch H. Profits and Rates of Return [Electronic resource]. URL: <http://www.oecd.org/eco/growth/35485300.pdf> (accessed: 07.05.2014).
- China's Foreign Exchange Reserves, 1977–2011 [Electronic resource]. URL: www.chinability.com/Reserves.htm (accessed: 07.05.2014).
- Clements B. et al. The Challenge of Public Pension Reforms in Advanced and Emerging Countries // IMF Occasional Paper. 2012. No 275. 86 p.
- Cohen D. Three Lectures on Post-Industrial Society. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 120 p.
- Cohen N. Immigration Is Not a Drain on Public Coffers, OECD Report Shows // Financial Times. 2013. June 13.
- Cole L. Communication in Poultry Grower Relations. Ames: Iowa State University Press, 2000. 243 p.
- Cooper T. Sustainability, Consumption and the Throwaway Culture // The Handbook of Design for Sustainability / eds S. Walker, J. Giard. London; New York: Bloomsbury, 2013. 576 p.
- Dahlström L. How the Neoliberal Berserk Fury Destroys the Welfare Sector — the Case of Sweden [Electronic resource]. URL: <http://globalsouthnetwork.org/wp-content/uploads/2013/03/12-How-the-neoliberal-berserk-fury-destroys-the-welfare-sector-the-case-of-Sweden.docx> (accessed: 07.05.2014).
- David P. A. The Dynamo and the Computer: An Historical Perspective of the Modern Productivity Paradox // American Economic Review (AEA) Papers and Proceedings. 1990. Vol. 80, N 2. P. 355–361.
- Decline of the Middle Class [Electronic resource]. URL: www.deutschland.de/en/news/decline-of-the-middle-class (accessed: 07.05.2014).
- Drucker M. Adjusting to Incremental Innovation Portfolios: Avoiding the Erosion of Company Profits and Market Position [Electronic resource]. URL: www.rdinsights.com/adjusting-to-incremental-innovation-portfolios-avoiding-the-erosion-of-company-profits-and-market-position-2 (accessed: 07.05.2014).

- Dutch King Willem-Alexander Declares the End of the Welfare State [Electronic resource]. URL: www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willemalexander-declares-the-end-of-the-welfare-state-8822421.html (accessed: 07.05.2014).
- Economic Report of the President. Washington: U. S. Government Printing Office, 2013. 452 p.
- Elsby M. W., Hobijn B., Şahin A.* The Decline of the U. S. Labor Share. Final Conference Draft to be Presented at the Fall 2013. Brookings Panel on Economic Activity. 2013. September 19–20.
- Epstein G. A.* Introduction: Financialization and the World Economy // *Financialization and the World Economy* / ed. by G. A. Epstein. Northampton: Edward Elgar, 2005. 456 p.
- Flood M. D.* Two Faces of Financial Innovations // *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. 1992. Vol. 74, N 5. P.3–17.
- Flowers A.* The Productivity Paradox: Is Technology Failing or Fueling Growth? [Electronic resource]. URL: http://eml.berkeley.edu/users/eichengr/bellagio/productivity_paradox.pdf (accessed: 07.05.2014).
- Freeman R.* The Great Doubling: The Challenge of the New Global Labor Market [Electronic resource]. URL: http://emlab.berkeley.edu/users/webfac/eichengreen/e183_sp07/great_doub.pdf (accessed: 07.05.2014).
- Geim A.* Be Afraid, Very Afraid of the Tech Crisis // *Financial Times*. 2013. February 5.
- Gertner J.* Does America Need Manufacturing? // *The New York Times*. 2011. August 24.
- Girouard N., Kennedy M., André C.* Has the Rise in Debt Made Households More Vulnerable // *ECO Working Paper*. 2007. N 535. 39 p.
- Golkany I. M.* Discounting Future // *Regulation*. 2009. Spring.
- Gordon R. J.* Is U. S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds // *NBER Working Paper Series*. 2012. N 18315. 23 p.
- Gordon R. J.* Revisiting U. S. Productivity Growth Over the Past Century With a View of the Future // *NBER Working Paper*. 2010. N 15834. 44 p.
- Griswold D. T.* Immigration and the Welfare State // *Cato Journal*. 2012. Vol. 32, N 1. P.159–174.
- Gruber G., Wise D. A.* An International Perspective on Policies for an Aging Society // *Policies for an Aging Society* / eds S. H. Altman, D. I. Shactman. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2002. 424 p.
- Habakkuk H. J.* American and British Technology in the Nineteenth Century. Cambridge University Press, 1962. 240 p.
- Hassett K.* Obama's Obsession Drives Progress in Reverse [Electronic resource]. URL: www.bloomberg.com/news/2010-08-16/obama-s-obsession-drives-progress-in-reverse-commentary-by-kevin-hassett.html (accessed: 07.05.2014).
- Higher Education in Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) Subjects. London: The Stationary Office, 2012. 117 p.
- Huebner J.* A Possible Declining Trend for Worldwide Innovation // *Technological Forecasting & Social Change*. 2005. Vol. 72. P.980–986.
- Immigrations Economic Impact [Electronic resource]. URL: http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/cea/cea_immigration_062007.html (accessed: 07.05.2014).
- International Mobility of Highly Skilled Workers: A Synthesis of Key Findings and Policy Implications [Electronic resource]. URL: www.ic.gc.ca/eic/site/eas-aes.nsf/eng/ra02037.html (accessed: 07.05.2014).
- Johnson S., Kwak J.* 13 Bankers: The Walt Street Takeover and the Next Financial Meltdown. New York: Pantheon Books, 2010. 336 p.
- Kardar S. E.* Antibiotic Resistance: New Approaches to a Historical Problem [Electronic resource]. URL: www.actionbioscience.org/newfrontiers/kardar.html (accessed: 07.05.2014).
- Keller S.* Welfarism // *Philosophy Compass*. 2009. N 4/1. P.82–95.
- Kenny C.* What's Wrong With China Trade? Ask the Candidates [Electronic resource]. URL: www.businessweek.com/articles/2012-10-15/what-s-wrong-with-china-trade-ask-the-candidates (accessed: 07.05.2014).
- Krugman P.* Making Things in America // *The New York Times*. 2011. May 19.
- Krugman P.* Money for Nothing // *The New York Times*. 2009. April 26.
- Krugman P.* The ICT Revolution Isn't Over // *The New York Times*. 2013. October 11.
- Kurzweil R.* The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005. 672 p.
- Lawrence R. Z., Edwards L.* U. S. Employment Deindustrialization: Insights from History and the International Experience // *Policy Brief*. 2013. N PB 13–27. 14 p.
- Lichtenberg F. R.* The Effect of Pharmaceutical Innovation on Longevity: Patient-Level Evidence From the 1996–2002 Medical Expenditure Panel Survey and Linked Mortality Public-Use Files // *NBER Working Paper*. 2012. N 18552. 36 p.

- London B.* Ending the Depression Through Planned Obsolescence [Electronic resource]. URL: [http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/27/London_\(1932\)_Ending_the_depression_through_planned_obsolescence.pdf](http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/27/London_(1932)_Ending_the_depression_through_planned_obsolescence.pdf) (accessed: 07.05.2014).
- Martin J., Ruark E. A.* The Fiscal Burden of Illegal Immigration on United States Tax Payers. Washington, D. C.: Federation for American Immigration Reform, 2010. 95 p.
- Mees H.* Changing Fortunes: How China's Boom Caused the Financial Crisis. Rotterdam: Erasmus University, 2012. 159 p.
- Mensch G.* Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. Cambridge, MA: Ballinger Publications, 1979. 241 p.
- Microwave society [Electronic resource]. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Microwave%20Society> (accessed: 07.05.2014).
- Mishel L., Gee K.-F.* Why Aren't Workers Benefiting From Labour Productivity Growth in the United States // International Productivity Monitor. 2012. N 23. P. 31–43.
- Mokyr J.* Is Technological Progress a Thing of the Past? [Electronic resource]. URL: [www.voxeu.org /article/technological-progress-thing-past](http://www.voxeu.org/article/technological-progress-thing-past) (accessed: 07.05.2014).
- Mokyr J.* Technopessimism Is Bunk [Electronic resource]. URL: www.pbs.org/newshour/business-desk/2013/07/technopessimism-is-bunk.html (accessed: 07.05.2014).
- Nolan P.* Is China Buying the World? Cambridge: Polity Press, 2012. 120 p.
- OECD Employment Outlook 2001. Paris: OECD, 2001. 244 p.
- OECD Factbook 2009. Economic, Environmental and Social Statistics. Paris: OECD, 2009.
- OECD Members — Age Dependency Ratio [Electronic resource]. URL: www.indexmundi.com/facts/oecd-members/age-dependency-ratio (accessed: 07.05.2014).
- Okpara F. O.* The Value of Creativity and Innovation in Entrepreneurship // Journal of Asia Entrepreneurship and Sustainability. 2007. Vol. III, Is. 2. P. 1–14.
- Orlik T., Davis B.* Beijing Diversifies Away From U. S. Dollar [Electronic resource]. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052970203753704577254794068655760> (accessed: 07.05.2014).
- Palan R., Murphy R., Chavagneux C.* Tax Havens: How Globalization Really Works. New York: Cornell University Press, 2010. 280 p.
- Palley T. I.* Financialization: What It Is and What It Matters // PERI Working Paper Series. 2007. N 153. 31 p.
- Palley T. I.* From Financial Crisis to Stagnation: The Destruction of Shared Prosperity and the Role of Economics. Cambridge University Press, 2012. 258 p.
- Pentkantchin V.* The Advantages of Incremental Pharmaceutical Innovation [Electronic resource]. URL: www.institutmolinari.org/IMG/pdf/note0412_en.pdf (accessed: 07.05.2014).
- Phillips K.* American Theocracy: The Peril and Politics of Radical Religion, Oil and Borrowed Money in the 21st Century. New York: Viking, 2006. 512 p.
- Prius Outdoes Hummer in Environmental Damage [Electronic resource]. URL: www.nepa.org/sub /dpd/index.php?Article_ID=14304 (accessed: 07.05.2014).
- Public Debt as a Percentage of GDP in Countries Around the World [Electronic resource]. URL: <http://www.gfmag.com/component/article/119-economic-data/12370-public-debt-percentage-gdp.htmlaxzz2kMYKJ2Rd> (accessed: 07.05.2014).
- Razin A., Sadka E., Suwankiri B.* Migration and the Welfare State : Political Economy Policy Formation. Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 184 p.
- Receipts by Source as Percentages of Gross Domestic Product: 1934–2019 [Electronic resource]. URL: www.taxpolicycenter.org/taxfacts/Content/PDF/hist_receipt_source_GDP.pdf (accessed: 07.05.2014).
- Rector R.* The Fiscal Cost of Low-Skill Immigrants to State and Local Taxpayers. Washington: The Heritage Foundation, 2007.
- Roth A., Sneider K.* Reinventing Innovation at Consumer Goods Companies // McKinsey Quarterly. 2006. November. 7 p.
- Segal G.* Does China Matter [Electronic resource]. URL: www.foreignaffairs.com/articles/55401/gerald-segal/does-china-matter (accessed: 07.05.2014).
- Shackleton R.* Total Factor Productivity Growth in Historical Perspective // Congressional Budget Office Working Paper Series. 2013. N 2013–01. 19 p.
- Sinn H.-W.* Casino Capitalism : How the Financial Crisis Came About and What Needs to Be Done Now. Oxford University Press, 2010. 304 p.
- Solow R.* How to Save American Finance from Itself : Has Financialization Gone too Far? [Electronic resource]. URL: www.newrepublic.com/article/112679/how-save-american-finance-itself (accessed: 07.05.2014).
- Spence M., Hlatshwayo S.* The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge // CFR Working Paper. 2011. March. 53 p.

- Stewart L. A., Atkinson R. D.* Restoring America's Lagging Investment in Capital Goods. The Information Technology and Innovation Foundation Report. 2013. October. 39 p.
- Stiglitz J. E.* Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. London; New York: W. W. Norton & Co., 2010. 480 p.
- Stiglitz J. E.* The Book of Jobs [Electronic resource]. URL: www.vanityfair.com/politics/2012/01/stiglitz-depression-201201?wpisrc=nl_wonk (accessed: 07.05.2014).
- The New Global Shift [Electronic resource]. URL: <http://www.businessweek.com/stories/2003-02-02/the-new-global-job-shift> (accessed: 07.05.2014).
- The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD): Revenue Statistics Tax Ratios between 1965 and 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.oecd.org/ctp/tax-policy/table2.xls> (accessed: 07.05.2014).
- US Suspends Financing for 2008 — But Will Not Quit ITER [Electronic resource]. URL: http://www.energy-enviro.com/index.php?PAGE=1407&NODE_ID=1407&LANG=1 (accessed: 07.05.2014).
- Van Noorden R.* Global Mobility: Science on the Move [Electronic resource]. URL: <http://www.nature.com/news/global-mobility-science-on-the-move-1.11602> (accessed: 07.05.2014).
- Vijg J.* The American Technological Challenge: Stagnation and Decline in the 21st Century. New York: Agora Publishing, 2011. 260 p.
- Wade R.* Inequality and the West // Inequality: A New Zealand Crisis / ed. by M. Rashbrooke. Wellington: Bridget Books, 2013. 391 p.
- Westera W.* The Digital Turn: How the Internet Transforms Our Existence. Bloomington: Author House, 2013. 310 p.
- Zaccone J.* Has Globalization Destroyed the American Middle Class? [Electronic resource]. URL: <http://www.njfac.org/GloblMClass.pdf> (accessed: 07.05.2014).

Статья поступила в редакцию 19 июня 2014 г.